«Железная леди» хранила верность стране и театру

К 95-летию со дня рождения Наталии Сац

Роксана КАРПОВА-САЦ

Вечная ученица

В ее квартире на Котельнической почти ничего не изменилось, словно она ушла вчера или появится завтра. В первой комнате — она называла ее «мой музей» — главенствует рояль, на пюпитре ноты «Синей птицы» — она часто играла музыку своего отца, композитора Ильи Саца. Здесь множество фотографий и еще больше игрушек — из стекла, лоскутов, деревянных, пластмассовых, фарфоровых... Но если вещи способны рассказывать о человеке, больше всего может сказать палехский столик в спальне у кровати. Несмотря на небольшие размеры, на нем порой умещались телефон, стакан с недопитым чаем, груды исписанной бумаги, кипы книг (часть из них, впрочем, располагалась возле, на полу) и еще множество предметов. Три из них имели «постоянную прописку»: учебник английского языка, школьная тетрадка, на обложке которой ее рукой начертано: «Вечная ученица Наташа Сац», колокольчик, чтобы при необходимости вызывать из недр остальной квартиры самого близкого в последние годы человека Виктора Петровича Проворова.

У нее была исключительная память и в то же время способность не перегружать ее, черпая из многообразия жизни лишь необходимое для творчества. Так, свободно владея немецким, блестяще выступая на нем с докладами по искусству, она могла «споткнуться» на элементарно-бытовом, расхожем выражении, однако, как правило, тут же выпутывалась, находя неожиданный образный эквивалент и этим вновь приводя в восторг «исконных немцев».

Кроме немецкого, она знала французский, итальянский, отчасти испанский, но особые отношения сложились у нее с английским. «Я не имею права умереть, не овладев английским, иначе меня просто будут считать некультурным человеком», — заявила она, когда ей было уже далеко за 80, и с тех пор ее постоянными собеседниками стали «англоговорящие», а дом заполонили учебники и английские сказки. Кстати, одна из них «Не буду просить прощения» с ее легкой руки превратилась в очаровательный спектакль и до сих пор в репертуаре Детского музыкального театра).

Увенчанная многочисленными наградами и титулами, особенно гордилась Наталия Ильинична профессорским званием и «доктриной» (доктор искусствоведения), может, потому, что высшее образование, а затем все прочее она получила, минуя среднее: смерть отца, революция, необходимость рано зарабатывать и увлеченность любимым делом (в 15 лет она уже возглавила созданный ею же первый в стране и мире детский театр) вынудили ее оставить гимназию после 6-го класса. «Я ведь, по существу, недоучка, — говорила она. — Однако это, пожалуй, стало для меня еще одним стимулом: надо же компенсировать знаниями недополученный школьный аттестат».

Впрочем, при необходимости и гимназия «шла в дело». Помню, где-то в конце 40-х, когда, отсидев отмеренное ей в тюрьмах и ссылках, Наталия Ильинична возглавляла созданный ею первый ТЮЗ Казахстана, она решила отпраздновать успешную премьеру «Двенадцатой ночи» Шекспира и пригласила ее участников в самый большой алма-атинский ресторан. Шумная компания сдвинула несколько столов в один общий и приготовилась к пиру. Перед его началом Наталия Ильинична торжественно объявила, что каждый может себе заказать все что угодно, так как дала себе зарок в случае успеха прокутить не только зарплату, но и премию. Естественно, дальнейших уговоров не потребовалось, все накинулись на еду и напитки, а Наталия Ильинична, как обычно, развлекала общество разговорами, отчего все заливались хохотом. Наконец пиршество закончилось. Нагловатый официант, все это время с усмешкой наблюдавший за экстравагантной дамочкой, услужливо изогнувшись, подал счет с более чем внушительным общим итогом. Просмотрев бегло длинную колонку цифр, она сказала: подсчитано неверно, общая сумма должна быть такой-то, — и назвала цифру много меньше. «Не может быть, я на счетах считаю!» — «А я со школы в уме. Давайте проверим!» Проверили. Права была она. После этого Наталия Ильинична достала из сумочки деньги и положила на стол всю сумму, названную официантом. В ответ на его стыдливо-отказывающийся жест, добавила: «Я даю на чай, но делаю это сама и очень не люблю, когда меня обманывают».

Я не плакальщица — Я боец

В том, что у Наталии Ильиничны с арифметикой все в порядке и она не любит, когда ее обманывают, приходилось убеждаться и работникам руководимых ею организаций.

А интерес, точнее, страсть к познанию, думаю, не только придавал особый смысл ее жизни, но и способствовал ее продлению, помогал преодолеть, казалось бы, непреодолимое.

Когда Наталия Ильинична оказалась в одиночной камере Бутырской тюрьмы, то вместо того чтобы сходить с ума или оплакивать свою несчастную судьбу, она написала письмо в «высшие инстанции НКВД» с просьбой предоставить ей необходимые книги для «продолжения и пополнения образования», чтобы потом, когда органы наконец во всем разберутся, «я могла приносить больше пользы Родине, занимаясь любимым делом». Как ни удивительно, ее просьбу удовлетворили и стали доставлять в камеру все, о чем она просила. Об этом созданном ею самой тюремном университете Наталия Ильинична вспоминала потом чуть ли не с благодарностью, а ее рукописный труд по анализу драматургии Шекспира стал основой сперва кандидатской, а затем докторской диссертации по искусствоведению.

«Мое Я должно все время обогащаться новыми неожиданными постижениями, иначе я перестану себя уважать», — записано в тетрадке этой «вечной ученицы».

Любите любовь

«Чио-чио-сан» Пуччини был одним из самых дорогих ее спектаклей. Впервые она поставила эту оперу в Алма-Ате сразу по возвращении из ссылки и этой постановкой буквально перeродила ленивый, сонный, считавшийся чуть ли не эталоном нетеатральности город. Наконец-то кассы оперного театра узнали, что такое очередь, за два квартала слышалось: «Нет лишнего билетика?», восторженные отзывы о спектакле опубликовали Сергей Эйзенштейн, Серафима Бирман, Николай Черкасов — все они в это время участвовали в съемках «Ивана Грозного», проходивших в Алма-Ате.

В 1980 году, когда было возведено новое здание Детского музыкального театра на проспекте Вернадского, Наталия Ильинична осуществила постановку «Чио-чио-сан» на его сцене. «Я обращаю этот спектакль к нашему юношеству, — сказала она во вступительном слове. — Я хочу, чтобы вы поняли, как важно любить любовь». Саму Наталию Ильиничну невозможно представить вне атмосферы любви и поклонения. Впрочем, недоброжелатели, а их у нее было предостаточно, при случае не упускали возможности побрюзжать по поводу ее личной жизни. Да, в разные годы в силу сложных, подчас трагических обстоятельств менялись спутники ее жизни, но с каким негодованием она всегда относилась к случайным запрограммированно-пошлым связям. «Любовь — это строительство», — любила повторять она, и каждый раз, увлекая и увлекаясь, она возводила Храм Любви, привнося в интимные отношения столько духовности, поэзии и романтики, что их не в силах было разрушить даже расставанию.

Когда-то, еще в юности, один журналист спросил у Наталии Ильиничны, был ли в ее жизни кто-нибудь, кому она всегда сохраняла верность. «Конечно, — не задумываясь, ответила она. — Детскому театру и своей родине».

Интересно, что уже в конце жизни эта тема вновь возникла в разговоре с Людмилой Ивановной Швецовой, которую Наталия Ильинична очень любила и подолгу с ней беседовала (сейчас Л. И. Швецова — член правительства Москвы). Речь зашла о людях, уехавших из страны. Она их не осуждала, но для нее самой такой шаг был немыслим. «Ты знаешь, — сказала она тогда, — какая мне выпала тяжелая доля. Мне довелось потерять любимого мужа, которого убила та власть. Мне довелось годами жить не [illegible] жизнью, я страдала от бюрократизма. Но никогда, даже в самые черные дни, мне и мысли в голову не приходило расстаться с Родиной. У меня была сверхидея — любить ее. Любить несмотря ни на что. А если какой-нибудь порыв души отклонял меня от этого главного, я ставила на своем порыве крест. Для меня даже поклонники-иностранцы всегда воспринимались словно из окна уходящего поезда».

Наталия Сац, 1927 год

Главная профессия

Однажды я показала Наталии Ильиничне статью, подготовленную мной для издаваемого буклета, которая начиналась с рассказа о ее общественной, литературной, педагогической деятельности. «Это никуда не годится, — воскликнула она, — начинать надо всегда с самого главного, а моя главная профессия — режиссер».

За свою творческую жизнь Наталия Ильинична осуществила более полусотни различных постановок: масштабно-оперных, драматических, детских, эстрадных. Но дело, конечно, не только и не столько в количестве. Ее спектакли всегда были отмечены одухотворенностью, правдой взаимоотношений, какой-то особой «человечинкой» даже в наивных детских сказках, не говоря уже о «Чио-чио-сан», где каждый взгляд или жест — выражение эмоционального.

Она не любила работать с несколькими исполнителями и всегда очень точно представляла какого-то одного в данной роли, испытывала едва ли не страдание, когда ей приходилось «переделывать образ» на артиста с иными психофизическими данными. Репетируя, она, чтобы возбудить фантазию артистов, добиваться от них нужного состояния, часто обращалась к пережитому самой, беспощадно эмоционально растрачивала себя, обнажаясь «до самого донышка». Но когда недоставало ни слов, ни эмоций, она обращалась к музыке.

Актриса Мария Соколова, с которой Наталия Ильинична работала над ролью Норы в одноименной пьесе Г. Ибсена, вспоминает, как почти перед самой премьерой у Сац началось воспаление легких. Но репетиция не была отменена. Наталия Ильинична попросила Машу приехать к ней домой и сыграть последнюю, самую драматическую [illegible]. Однако роль не шла. Усилием воли Наталия Ильинична заставила себя встать с кровати, подошла к роялю, говорила она с трудом: «Маша, я сыграю вам, что происходит с Норой», — и действительно начала играть.

«Чуть слышно зазвучала жалоба, детская, тихая. А потом она перешла в безнадежность, стала заполнить все кругом, как будто камни засыпали тебя навеки. И опять мучительное желание освободиться, поиски выхода, мольба о возможном счастье»...

Маша так и не узнала, что именно играла Наталия Ильинична, скорее всего, это была импровизация, рожденная страстным желанием объяснить актрисе, заставить ее понять глубину этого куска жизни и роли. И Маша поняла.

Еще в 20-е годы всемирно известный дирижер Отто Клемперер, побывав на одной из репетиций Наталии Сац в драматическом театре (Московский театр для детей), воскликнул: «Дитя мое! Вы поразительно музыкальны, вы все пронизываете музыкой, ваше место в музыкальном театре». Да, именно в музыкальном театре режиссерский талант Наталии Ильиничны проявился с особой полнотой.

К сожалению, лишь пожелтевшие строки рецензий слабым эхом дают представление о триумфальном успехе ее оперных постановок в 30-е годы: «Фальстафа» Верди в Кролль-опере в Берлине, «Свадьбы Фигаро» Моцарта в театре «Колон» в Буэнос-Айресе — обе в содружестве с Отто Клемперером. Но когда почти через 30 лет — ареста, ссылки, запрета жить в Москве и заниматься любимым делом — Наталия Сац создает первый в мире музыкальный театр для юных, уже его первый спектакль «Морозко» заставил заговорить о ней как о выдающемся режиссере современности. Пересказать, воссоздать стиль и методы ее работы в этом, самом дорогом для нее театре очень трудно. И все же...

Обычно самое большое внимание она уделяла застольному периоду. В это время на дверях ее кабинета висела табличка «Идет репетиция», и никто, кроме исполнителей будущего спектакля, не имел права туда входить. Там по многу раз проигрывалась каждая музыкальная фраза, разрабатывалась музыкально-психологическая драматургия каждого образа. «Неужели вы не понимаете, что преждевременный выход на большую сцену приводит к схематизму, лишает спектакль глубины, духовного объема. Режиссура — это не наворот трюков, не «игра в солдатики», но прежде всего умение проникнуть вглубь и донести до зрителя суть вещей, суть каждого образа, — вразумляла она своих помощников и учеников, будущих режиссеров. — Только умение работать над нюансами отличает подлинного мастера от ремесленника».

Но и внешний рисунок спектакля, его мизансценическое и пластическое выражение всегда были в фокусе ее внимания. «Хочешь иметь успех, сбрось лишний вес, следи за своей фигурой, — наставляла она артистов. — Подростки не поверят в Джульетту с бюстом кормилицы, какие бы сладкие звуки она ни издавала». И вводила в качестве обязательных занятия хореографией, гимнастикой, даже акробатикой, несмотря на первоначальное сопротивление некоторых «обладательниц колоратуры», впрочем, недолгое: правоту Наталии Ильиничны подтверждал успех ее спектаклей, а этот аргумент — самый убедительный для любого актера.

Не секрет, что почти каждый театральный коллектив мечтает о зарубежных гастрольных поездках, и Детский музыкальный не был исключением. Одно из первых выступлений театра заграницей состоялось в небольшом городке Шибенике в Югославии, где проводился международный театральный фестиваль. Условия гастролей были жесткие: на репетицию отводилась одна ночь, декорации с собой везти не разрешили. «Ничего страшного, — принимает решение Наталия Ильинична. — Будем использовать архитектуру самого города. Взгляните вокруг «зрячими глазами» (она любила это выражение, вкладывая в него умение замечать самое существенное), и вы сами убедитесь, как идеально подходит его средневековый облик для воплощения наших «Трех толстяков». Вот между этими башенками мы натянем трос, и по нему будет скользить Тибул, спасаясь от гвардейцев, первая ария Суок прозвучит на том балкончике, а выступление клоуна Бризака — на этих перилах». «Да, но жители, согласятся ли они на это?» — усомнился кто-то. «Конечно. Ведь таким образом они как бы станут участниками нашего спектакля». Но в восторг от замыслов Наталии Ильиничны пришли не все. Один югославский капитан в разгар репетиции явился рассерженным производимым шумом: утром он должен был уходить в море. Однако вскоре, увлекшись происходящим, он забыл, зачем пришел, и просидел на репетиции до самого конца. Утром он поцеловал руку Наталии Ильиничне и... поблагодарил за то, что ему так и не удалось заснуть.

Обычно, когда Наталия Ильинична начинала репетировать, она забывала обо всем, в том числе о времени, но я не знаю случая, когда бы ей об этом напоминали.

Точки опоры

«Железная леди советского театра» — так назвали Наталию Ильиничну в одной из статей. Думаю, не из доброго отношения. Нет, она не была «железной»: и тоска, и отчаяние, и страх (например, она с опаской относилась к электро- и газовым приборам, предпочитала с ними не общаться) были ей ведомы. Она поседела за одну ночь — первую после своего ареста: что надо было испытать, чтобы это случилось. Однако утром... Утром, оглядев зареванных сокамерниц, таких же, как она, «врагинь народа», сказала: «Вот что — слезы нам не помогут. Мы должны верить, что справедливость восторжествует, и искать какие-то точки опоры: умеешь вязать — научи других, знаешь что-то о Древнем Риме — рассказывай».

«Я не плакальщица, я боец», — как-то обронила она вскользь, но эта случайно сказанная фраза выражает суть ее личности.

Театр — явление сложнейшее, за внешним блеском, в глубине кулис часто кипят отнюдь не благородные страсти. В Алма-Атинском ТЮЗе однажды черной накипью они выплеснулись на общем собрании коллектива. Поводом послужила поставленная Наталией Ильиничной в оперном театре опера В. Мурадели «Великая дружба» — люди старшего поколения помнят, какое разгромное постановление издало ЦК ВКП(б) в связи с ней. Однако истинная причина сборища была в другом — в желании некоторых театральных деятелей, воспользовавшись этим постановлением, захватить руководящий пост в созданном Наталией Ильиничной театре.

Кажется, не было таких словесных помоев, которые не выплеснули бы на ее голову на том собрании: формализм, эстетизм, космополитизм — в чем только ее ни обвиняли, каких ярлыков ни навешивали, называли политически неблагонадежной, вчерашней «зека». Правда, добиться желанной резолюции «отстранить от должности» склочникам не удалось (заступились ведущие актеры), пришлось ограничиться строгим выговором, но попробуйте представить себе состояние человека после подобного собрания!

На следующий день весь театр затаенно ждал ее появления. И дождался. Но не понуро-жалкой, как представлялось склочникам, явилась она, а по-королевски величественной и ошеломляюще-элегантной. Правда, для этого ей пришлось уже в 6 утра побывать в парикмахерской, а затем в лучшем ателье, где за самый модный костюм она выложила все свои деньги.

«Меня любят люди большие и люди простые, мещане меня не переваривают», – смеясь, говорила Наталия Ильинична. Ее биография — тому подтверждение. В лагере ее обожали конвоиры, в санаториях и больницах — нянечки... Ну а «большие»? Луначарский, Вахтангов, Станиславский, Прокофьев, Эйзенштейн и Эйнштейн... — этот список можно продолжать очень долго.

Особое место в ее жизни занимала Москва. Как она стремилась вернуться в Москву после ареста, с какой гордостью всегда говорила: я москвичка. Никогда не забыть ее последнего юбилея — 90-летия Наталии Ильиничны: в белом платье среди огромного количества цветов Юрий Михайлович Лужков читает ей свои стихи. «В последнее время, — сказала она тогда, — я как-то подрастерялась, никак не разберу, как и зачем я должна перестраиваться. Н[illegible] последние слова, сказанные ею со сцены Московского государственного академического Детского музыкального театра.

Ее театр сегодня

Несколько слов о том, как живет Театр Наталии Сац сегодня. Почти сразу же после ухода из жизни Наталии Ильиничны некоторые театральные деятели при поддержке бывшего министра культуры задумали перепрофилировать, а по существу, уничтожить театр, лишить детей их театра. На защиту встали крупнейшие мастера культуры — Галина Уланова, Ирина Архипова, Тихон Хренников, многие другие. Однако вряд ли бы это помогло, если бы не смена руководства в министерстве и монолитная воля всего творческого коллектива театра. Успех спектаклей последних лет, осуществленных учениками и соратниками Наталии Ильиничны («Волшебник Изумрудного города», «Евгений Онегин» — оба в постановке главного режиссера В. Рябова, «Алые паруса» — балетмейстер Е. Ляпаев, дирижер Л. Гершкович, «Дюймовочка» — дирижер А. Яковлев, постановка В. Меркулова), — наглядное свидетельство того, что дело Наталии Ильиничны живет и успешно продолжается. Но угомонились ли жаждущие использовать Детский музыкальный театр в своих корыстных интересах? К сожалению, нет. И сегодня кое-кто, пользуясь трудностями, делает все, чтобы вползти в театр и прибрать к рукам хотя бы часть его уникального здания. Жаль, если это им удастся.

Но есть у Детского музыкального и друзья. Компания «Трансаэро» стала его генеральным спонсором, хорошо относится к нему Минкультуры. Но самая большая поддержка от Москвы, московского правительства во главе с Юрием Михайловичем Лужковым.

Заканчивая статью, хочу сказать о мечте друзей и почитателей Наталии Ильиничны — издать о ней книгу воспоминаний. Если мечты сбудутся, мы назовем книгу «Вера», ведь вера всегда была ее путеводной звездой.

Один из последних снимков